

Игорь Курукин

Полиция старой России: будочники, жандармы, «фараоны»

По мотивам сайта intelros.ru/readroom/otechestvennyye-zapiski/o2-2013/19837-policiya-staroy-rossii-budochniki-zhandarmy-faraony

...Полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков.

Петр I

Преступников ловили всегда. В былинные древнерусские времена этим занимались княжеские дружинники — дружина и была единственным и универсальным государственным органом. С созданием единого государства в XV — начале XVI века появились «обыщики», посылавшиеся из Москвы туда, где умножились «разбой и тати». При юном Иване Грозном на местах были созданы губные избы во главе с выборными из местных землевладельцев-дворян губными старостами. Они «про татей и про разбойников сыскивали и того смотрели и берегли накрепко, чтобы однолично нигде и татей и разбойников, разбойничьих станом и приездов не было». Подчинялись они появившемуся к середине XVI века Разбойному приказу, а в столице порядок охранял Земский приказ — дальний предок «Петровки, 38», находившийся рядом с Кремлем на месте Исторического музея.

Однако на деле профессионального аппарата сыска не существовало; для местных дворян ловля воров и разбойников оставалась, если так можно сказать, общественной обязанностью в свободное от основной военной службы время. Да и отыскать на российских просторах шайку воров или грабителей можно было только при деятельном участии населения — «мирские» власти сами охраняли порядок в родной общине, заявляли о пришлых и подозрительных, выявляли «лихих людей». В городах порядок на улицах по ночам охраняли сами посадские в качестве бесплатной «службы» — так же как сами раскладывали и собирали налоги, чинили городские укрепления, избирали целовальников на таможни и кабаки.

В патриархальные времена этого хватало. Но с началом нового российского времени в эпоху петровских войн и преобразований ситуация стала меняться. Рост армии породил отчаянных дезертиров; тяжкие налоги и повинности плодили беглых и недовольных. Порядок и «благочиние»

охранять стало трудно — особенно в крупных городах с наплывом нищих, поденщиков, «дворовых». Было бы интересно ответить на вопрос, насколько петровские реформы с их «ревизией», налогами и солдатчиной ухудшили криминогенную обстановку в стране — это ведь тоже своеобразная «цена» форсированной модернизации, однако претендующие на раскрытие проблемы работы нередко ограничиваются общими рассуждениями о росте пьянства, разбоя и разврата^[1]. Порой вооруженные «партии» держали в осаде целые города, чьи воеводы вместе с гарнизонными инвалидами не смели и носа высунуть за околицу.

Преобразуя страну, Петр I огромное значение придавал полиции; по его мысли именно она «приносит довольство во всем потребном к жизни человеческой, предохраняет все приключившиеся болезни, производит чистоту по улицам и в домах, запрещает излишество в домовых расходах и все явные погрешения, призывает нищих, бедных, больных, увечных и прочих неимущих, защищает вдовиц, сирых и чужестранных по заповедям Божиим, воспитывает юных в целомудренной чистоте и честных наук; вкратце ж над всеми сими полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков» — как гласил Устав Главного магистрата 1721 года^[2]. Короче говоря, полиция виделась императору едва ли не основным инструментом для устройства «регулярной» жизни подданных в его тогда мало похожем на «парадиз» Санкт-Петербурге.

Для тех времен это было вполне «по-европейски». Наступивший век разума и Просвещения крушил средневековую картину мироустройства; в XVII—XVIII веках достижения естественных наук утверждали право человека менять окружающий мир, быть субъектом, творцом истории. Отчего же не изменить на рациональной основе и социальную действительность? Так родилось мнение, что государство — воплощение «общего блага», на которое был обязан трудиться каждый подданный. Родился и камерализм — учение об управлении государством, или тогдашний «менеджмент», обнимавший собой новую модель управления, экономику и полицию, понимаемую не только как службу охраны правопорядка, а как всеобъемлющую систему государственного контроля и управления.

Такое устройство и принято называть регулярным, или полицейским, государством — но для людей XVIII века это словосочетание не было синонимом произвола. Скорее наоборот — источником социального оптимизма; казалось, наконец найден ключ к счастью, только надо

сформулировать законы, усовершенствовать организацию, добиться точного исполнения начинаний власти.

Не удивительно, что именно Петр I, первый в нашей истории царь — служака и «технар», и учредил профессиональную полицию. Указом от 7 июня 1718 года он назначил первого генерал-полицеймейстера в столице «для лутчих порядков» и определил его обязанности:

«1. Надлежит смотреть, дабы все строение было регулярно построено... чтоб улицы и перекрестки были равны и изрядны. <...>

3. Надлежит содержать все улицы и переулки в чистоте <...> и были б сухи, свободны и невозбранны <... >

5. <...> смотреть и хранить с прилежанием, дабы была мера и весы прямые, також бы цену не в указную пору таким товаром не возвышали и не подымали <...>

8. По вся четверть года у жителей осматривать печи, комели, в поварнях очаги, бани и протчее, где огонь водится, и престерегать, дабы недосмотрением хозяйским какова бедства от пожару не учинилось.

9. Все подозрительные дома, а именно: шинки, зернь, картежная игра и другие похабства, и о таких дворах подавать извет или явки <... >

10. Всех гулящих и слоняющихся людей, а особливо которые под видом, аки бы чем промышляли и торговали, хватать и допрашивать.»^[3].

В 1722 году полиция появилась в Москве, а по Указу «Об учреждении полиции в городах» от 23 апреля 1733 года полицейские команды были созданы в 10 губернских и 11 провинциальных городах; подчинялись же они Главной полицей-мейстерской канцелярии во главе с генерал-лейтенантом В. Ф. Салтыковым.

Чем только не занималась немногочисленная столичная полиция: извещала обывателей о важных происшествиях (вместо современных радио и телевидения), следила за посадкой обывателями деревьев и брала с них штрафы за поломку «линейных берез», клеймила хомуты извозчиков (в качестве регистрации официального промысла) и «с крайним прилежанием» ловила нищих, отчего тех меньше не становилось. Неблагодарную работу выполняли обычные армейские офицеры и солдаты.

Помянутый указ 1733 года требовал «к полицейским управлениям определить из имеющихся в тех губерниях гарнизонов в полицмейстеры из капитанов, а в провинциальных — из поручиков, по одному человеку к тому достойных; для караулов и содержания съезжих дворов по одному унтер-офицеру да по капралу, рядовых в губернских по 8, в провинциальных по 6 человек». Да и тех не хватало: в 1736 году Кабинет министров обратил внимание, что в полицию зачисляются строевых солдат и офицеров, а в полках в условиях начавшейся войны с Турцией — «некомплект». Поэтому горожане по старинке выходили «на дежурство» по охране порядка от воров и грабителей.

Даже во времена «бирановщины» с ее строгостями власти были бессильны перед разбойничьими шайками. В Тамбовском крае такая «партия» из ста человек весной 1732 года разгромила купеческую пристань и таможенную (с пятью тысячами рублей) на реке Выше. Поделив «дуван», разбойники спустились на лодках вниз по реке, грабя по дороге помещичьи имения. В вотчине А. Л. Нарышкина они перебили всех «вотчинных начальников» и разграбили или уничтожили барскую рухлядь. В богатом селе Сасове шайка грабила уже всех подряд, а в таможене опять взяла казенных денег «тысяч с пятью и больше». Близ Сасова с разбойниками вступили в перестрелку шацкие гарнизонные солдаты; но некоторых сразу подстрелили, другие «от того разбойничьего страха» поспешно отступили. Разбойники же с песнями отправились вниз по реке...

Правительство даже разрешило, «когда купечеству или шляхетству потребно для опасения от воровских людей, на казенных заводах продавать по вольным ценам» пушки. Однако власти не могли подавить разбой даже в столичных губерниях. Сенат в 1735 году распорядился, «дабы ворами пристанища не было», вырубить лес по обеим сторонам дороги от Петербурга до Соснинской пристани и расчистить леса по Новгородской дороге «для искоренения воровских пристанищ».

Учрежденный в 1730 году в Москве для ведения «татийных, разбойных и убийственных дел» Сыскной приказ (он располагался у кремлевской стены на нынешнем Васильевском спуске) прославился тем, что его наиболее эффективным «сыскарем» стал знаменитый московский вор Ванька Каин. Новоявленный «доноситель и сыщик» ловил преступников, беглых, скупщиков краденого, раскрывал воровские притоны — и под покровительством чиновников Сыскного приказа покрывал других злодеев,

брал взятки, «чинил обиды и разорения» невинным людям, вел распутную жизнь. В 1749 году пришлось создать особую следственную комиссию — по итогам ее работы «вор Каин» отправился на вечную каторгу, а штат Сысского приказа был набран заново^[4].

В других местах дело обстояло не лучше. В 1756 году Сенат указал ярославскому магистрату, что число «воровских партий» на Волге увеличилось; разбойники «грабят и разбивают суда, и до смерти людей бьют, и не токмо партикулярных людей, но и казенные деньги отбираются, и с пушками, и с прочим не малым огненным оружием ездят». Магистрат призвал обывателей, «ежели где таковых воровских людей партий уведают, то всячески бы накрепко ловили, а буде изловить невозможно, то б о таковых злодейских партиях объявляли в командах, где надлежит, в самой крайней скорости».

Однако пока законопослушные горожане несли ночную стражу от «лихих людей», их же соседи «чинили воровства» и «ходили на разбой с товарищами». Власти присылали воинские команды; но защитники отечества на постое поступали с горожанами «весьма озорнически, нанося смертельные побои». В магистратских книгах появлялись записи: «Солдат имевшуюся при кабаке на качели незнаемую женку ударил по роже, от которого удара оная женка пала замертво». Недовольных обывателей вояки осаждали в их собственных домах так, что «ярославское купечество от страха и угроз не токмо промыслов производить, но и из домов своих отлучаться не дерзает».

Только восстание 1773—1775 годов, когда самозванец Пугачев едва ли не на равных сражался с правительственными войсками и брал большие и малые города, показало, что без действенной администрации империя существовать уже не может. Реформа 1775 года разукрупнила губернии и ввела двухуровневое административное устройство: губерния с населением в 300—400 тыс. душ и уезд с населением в 20—30 тыс. В 1782 году Екатерина II утвердила Устав благочиния; этот объемный документ (он состоял из 14 глав и 274 статей) впервые регламентировал структуру полицейских органов, их систему и основные направления деятельности. Города делились на части (по 200—700 дворов) во главе с частными приставами, а части — на кварталы (по 50—100 дворов) с квартальными надзирателями.

Императрица смотрела на их задачи широко и адресовала полицейским целый моральный кодекс воспитания подданных личным примером: «Не чини ближнему, чего сам терпеть не можешь», «Не токмо ближнему не твори лиха, но твори ему добро, колико можешь», «веди слепого, дай кровлю неимеющему, напой жаждущего», «сжался над утопающим, протяни руку помощи падающему», «блажен кто и скот милует, буде скотина и злодея твоего спотыкнется, подыми ее».

Административно-полицейская власть в уезде передавалась нижнему земскому суду во главе с избравшимся дворянством капитаном-исправником и выборными же заседателями от дворян и поселян. На улицах городов появились первые постовые-будочники из отставных солдат с тесаками и алебардами. Служивые так и жили в своих деревянных или каменных будках; воров и разбойников они особо не пугали и часто промышляли мелкой торговлей.

На деле на целый уезд приходилось 3—5 должностных лиц, находившихся в разъездах и обязанных выполнять всевозможные поручения губернатора. Обязанности по охране порядка, соблюдению паспортного режима, розыску преступников, ведению следствия, пресечению контрабанды, борьбе с пожарами, контролю над мерами и весами, взысканию недоимок, набору рекрутов, выполнению земских повинностей, контролю над работой трактиров они могли исполнять только с помощью выборных или «понятых» — мобилизованных крестьян и мещан. «Положение о земской полиции» 1837 года разделило уезды на станы, во главе которых губернатор назначал (по представлению местного дворянства) станового пристава. Но и они должны были опираться на сельских выборных: сотских — по одному от 100—200 и десятских — от 10—20 дворов.

Более удачно действовало другое детище Петра I — служба государственной безопасности, или тайная полиция, — Преображенский приказ в Москве и Тайная канцелярия в Петербурге. Их ведению подлежали дела: «1) о каком злом умысле против персоны его царского величества или измены, 2) о возмущении или о бунте», а также — о хищениях в особо крупных размерах.

Утвердившуюся в XVII столетии идею обязательного доносительства Петр подхватил и рационализировал. Он желал дополнить контроль «сверху» не менее эффективным надзором «снизу», а единственным средством такой

обратной связи в централизованной бюрократической системе было поощрение доносов. Царь

сам в 1713 году призвал подданных доносить «о преслушниках указам и положенным законом и грабителем народа... самим нам» — «великий государь» впервые публично обязался лично принимать и рассматривать изветы. За такую «службу» доноситель мог получить движимое и недвижимое имущество виновного, «а буде достоин будет — и чин», и таким образом надеялся на обретение нового социального статуса и «ранга» в петровской государственной системе. Начиная с 1742 года публиковались правила составления «доношений»: «Доносит имярек на имярека; а в чем мое доношение, тому следуют пункты»^[5].

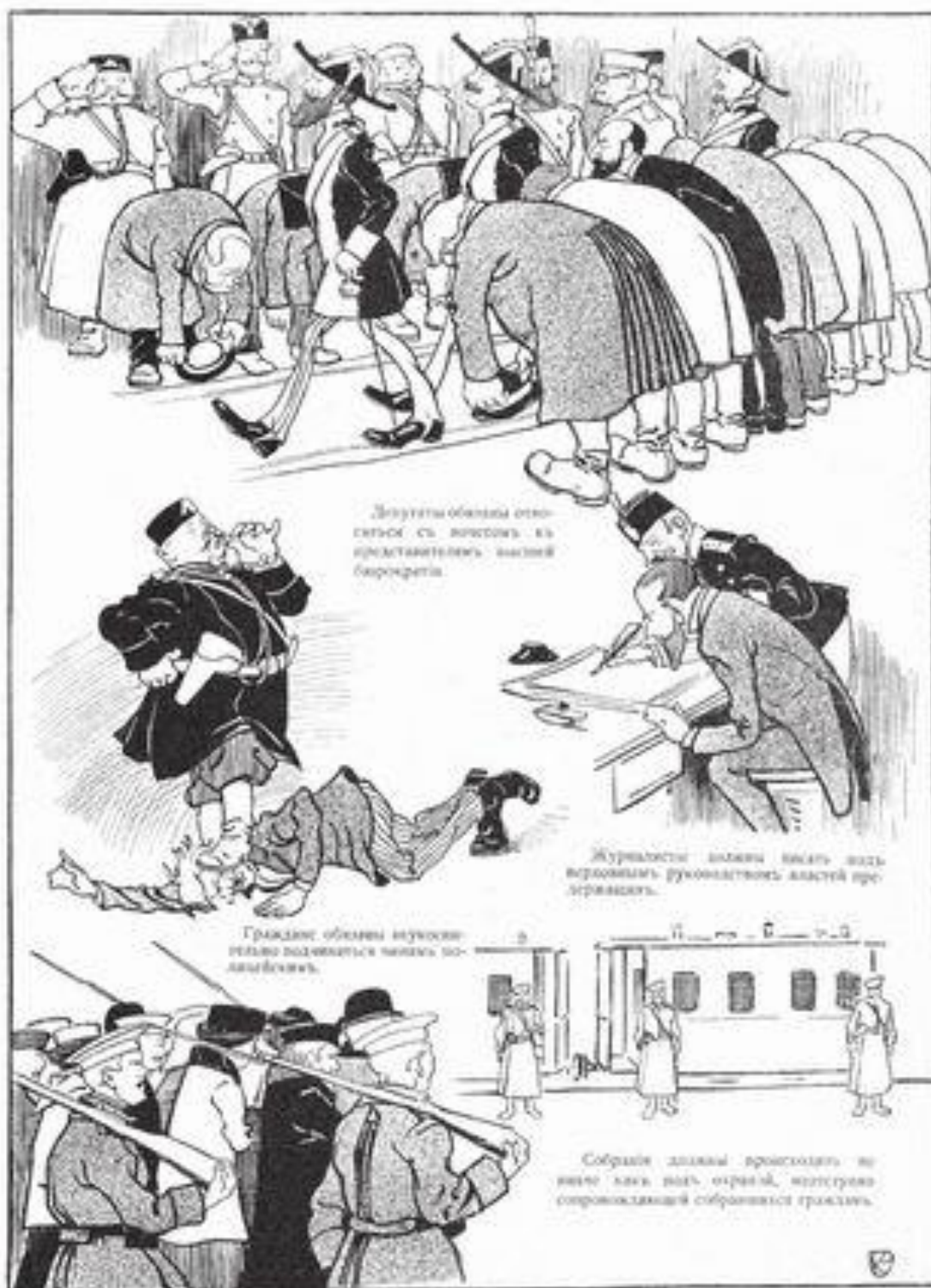
Утверждаемая сверху «демократичность» доноса и освящение его в качестве достойной «службы», связывавшей доносителя непосредственно с государем, послужила основанием добровольного доносительства. Оно-то и сделалось настоящей основой кажущегося всесилы Тайной канцелярии (1718—1726 и 1732—1762) и сменившей ее Тайной экспедиции Сената (1762—1801). Однако архив карательного ведомства показывает, что оно не было похоже на аппарат соответствующих служб новейшего времени с их разветвленной структурой, контингентом штатных сотрудников и нештатных осведомителей. В конце царствования Анны Иоанновны в Тайной канцелярии несли службу секретарь Николай Хрущов, 4 канцеляриста, 5 подканцеляристов, 3 копииста и один «запечный мастер» Федор Пушников. К 1761 году штат даже уменьшился до 11 человек и годовой бюджет сократился с примерно 2100 до 1660 рублей при прежних ставках. Такой же штат (14 человек) с такими же расходами имелся и в московской конторе Тайной канцелярии.

Доставкой подозреваемых и преступников занимались местные военные и гражданские власти. Работу по охране и конвоированию колодников в Петропавловской крепости (где помещалась и сама канцелярия) выполняли офицеры и солдаты гвардейских полков. Они держали заключенных «в крепком смотре»; следили, «дабы испражнялись в ушаты, а вон не выпускать»; допускали на свидания родственников (с тем чтобы жены «более двух часов не были, а говорить вслух»). Они же выдавали узникам «молитвенные книжки» и «кормовые деньги», у кого они были, на казенный корм рассчитывать не стоило, а иные арестанты «с голоду» не доживали до решения своих дел^[6].

Но работала эта контора бесперебойно: донос становился для власти средством получения информации о реальном положении вещей в провинции, а для подданных — часто единственным доступным способом восстановить справедливость или свести счеты с влиятельным обидчиком. И вообще единственно возможным средством участия в политической жизни. «По самой своей чистой совести, и по присяжной должности, и по всеусердной душевной жалости <...>, дабы впредь то Россия знала и неутешные слезы изливала», — так в 1734 году был воодушевлен своей миссией подьячий Павел Окуньков, донося на соседа-дьякона, что тот «живет неистово» и «служить ленитца»^[7]. Люди жаловались на нерадивых воевод, грабящих и притесняющих местное население. Воеводы и прочие администраторы квалифицировали такие действия как бунт. Но сама верховная власть, карая «бунтовщиков», не спешила отменять право апелляции к царю, видя в нем противовес коррумпированности и бесконтрольности своих агентов.

Вступая на престол после убийства отца (к заговору против которого он и сам был причастен), Александр I манифестом от 2 апреля 1801 года провозгласил: «.рассуждая, что в благоустроенном государстве все преступления должны быть объемлемы, судимы и наказуемы общею силою закона, мы признали за благо не только название, но и само действие Тайной экспедиции навсегда упразднить и уничтожить, повелевая все дела, в оной бывшие, отдать в Государственный архив к вечному забвению».

Какъ понимать г. Меньшикову истинную конституцію.

Но похороны оказались преждевременными. В 1805 году родился секретный «Комитет для совещания по делам, относящимся к высшей полиции» в качестве совещания министров военного, внутренних дел и юстиции во время отсутствия императора в столице. Через два года его

сменил «Комитет охранения общественной безопасности». В 1811 году вместе с комитетом действовало уже целое Министерство полиции, к ведению которого относились «все учреждения, к охранению внутренней безопасности относящиеся». Кроме того, секретные полиции существовали в Петербурге (при генерал-губернаторе) и Москве (при обер-полицмейстере). В 1812 году появилась «Высшая воинская полиция» — военная контрразведка для противодействия шпионажу и обнаружения должностных преступлений интендантов и поставщиков товаров для армии.

Конкурирующие структуры ухитрились, однако, проморгать революционные тайные общества. Декабрист Г. С. Батеньков не без основания иронизировал: «Разнородные полиции были крайне деятельны, но агенты их вовсе не понимали, что надо разуместь под словами карбонарии и либералы, и не могли понимать разговора людей образованных. Они занимались преимущественно только сплетнями, собирали и тащили всякую дрянь, разорванные и замаранные бумажки, их доносы обрабатывали, как приходило в голову».

Подавивший восстание декабристов Николай I учредил в 1826 году «Собственную его императорского величества канцелярию» — особый высший орган власти, стоявший над всем государственным аппаратом. Ее III Отделение стало первой в России «спецслужбой» современного типа. Она была направлена на борьбу не с крамольными словами, а с реальными преступлениями против государства — революционными тайными обществами, шпионажем, коррупцией, должностными злоупотреблениями. Новая политическая полиция имела исполнительный аппарат — Отдельный корпус жандармов (200 офицеров и 5000 рядовых), части которого были размещены по жандармским округам. В сферу ведения «высшей полиции» и ее начальника, шефа жандармов и друга царя графа А. Х. Бенкендорфа, входил широкий круг вопросов — от контрразведки до цензуры и должностных преступлений чиновников.

В конце каждого года в III Отделении составлялся всеподданнейший отчет, частью которого являлся «обзор общественного мнения». Император стремился получать полные данные о реакции разных слоев общества на те или иные решения правительства, новые законы, события за рубежом. Запрещение законом пытки потребовало совершенствования в ведении допросов, оперативно-розыскной деятельности, сборе объективных

доказательств и информации о состоянии умов общества; для этого пришлось создать секретную агентуру^[8].

Для «направления общественного мнения» III Отделение использовало газету «Северная пчела»; ее издатели Н. И. Греч и Ф. В. Булгарин получили привилегию публиковать новости политической жизни России и Европы и заметки о самом императоре и «августейшей фамилии». Бенкендорф заказывал для газеты статьи и заметки, для которых предоставлял информацию; его подчиненные переводили для «Северной пчелы» материалы из европейской прессы. По замыслу его создателей, III Отделение должно было стать не презренной «шпионницей», а уважаемым органом верховной власти и надзора; поэтому на службу туда приглашали и бывшего декабриста генерала М. Ф. Орлова, и самого Пушкина...

Как отмечал Бенкендорф в одном из всеподданнейших отчетов, «каков бы ни был государь, народ его любит, предан ему всей душой и телом...». Однако к концу столетия патриархально-«отеческая» полицейская опека стала недостаточной. С отменой крепостного права началась болезненная для общества ломка традиционного уклада жизни. Безземелье выталкивало в города массы крестьян, и молодой Максим Горький воспел отечественного «босняка». Но судебная практика той эпохи отмечала рост самых варварских преступлений, совершавшихся в погоне за наживой и вполне «чистой» публикой.

В последней четверти XIX века темпы роста преступлений резко возросли — например, число краж и грабежей выросло в семь раз. Появились специалисты — профессионалы уголовного мира: в 1912 году на 100 осужденных в общих судах приходилось 23 % ранее судимых в общих судах — в том числе и тех, кто попадался по 4—5-му разу. Громкие процессы давали основание современникам говорить об «озверении нравов всего общества». В эпоху великих реформ и гласности и мирный обыватель был способен на дерзость: куражившийся прямо на Невском приказчик из магазина Исакова «надул при публике "гондон", а забиравшей его полиции заявил, что "его мать — нянька у великого князя Николая Николаевича. о том, как с ним поступила полиция, сообщит Герцену для напечатания в "Колоколе"». Новинкой являлся и привычный для нас городской хулиган; московские власти в 1912 году на разосланную МВД анкету с вопросом: «В чем оно, главным образом, проявляется и не имеется ли особых местных видов хулиганства?» — указали: «В пении во всякое время дня и ночи, даже

накануне праздников, безобразных песен, в сплошной площадной ругани, битье стекол, открытом — на площадях и улице — распивании водки, в самом нахальном и дерзком требовании денег на водку; в дерзком глумлении без всякого повода над людьми почтенными, в насмешках и издевательствах над женщинами и их женской стыдливостью»^[9].

Появились у власти и настоящие противники. Террористы из «Народной воли» сумели создать законспирированную и централизованную организацию со своей типографией, бюджетом в 80 тыс. рублей и службой безопасности, агент которой долгое время работал в самом III Отделении. Александру II везло долго: его поезд не сошел с подорванных рельсов осенью 1878 года на пути из Крыма, царь сумел уклониться от 6 выстрелов в упор из револьвера на Дворцовой площади в апреле 1879 года; в феврале 1880 года опоздал к обеду, когда народоволец Степан Халтурин взорвал столовую в Зимнем дворце, — но все же погиб от бомбы 1 марта 1881 года. Хорошо еще, что успех покушения показал бессилие его организаторов: по всем губерниям России они насчитали не более 500 надежных людей, чего было явно мало для установления революционной диктатуры.

В полиции начались реформы. К 1862 году появились единые уездные полицейские управления; городские управления учреждались только «в тех городах, посадах и местечках, кои не подведомственны уездной полиции» — к ним относились все губернские и ряд крупных и важных уездных центров^[10]. Полиция стала принимать в свои ряды граждан по принципу «вольного найма» — вместо прежнего пополнения армейскими чинами. В 1880 году было ликвидировано III Отделение: политическая и просто полиция объединились под общей крышей Министерства внутренних дел. Полицеймейстеры в городах и уездные исправники (уже не выборные, а назначаемые) подчинялись губернатору, который, в свою очередь, был подчинен директору Департамента полиции и министру внутренних дел.

У уездного исправника имелись помощник и канцелярия (секретарь со столоначальниками и регистраторами); территория уезда делилась на 2—4 стана со станowymi приставами и их помощниками — полицейскими надзирателями. Много это или мало? К примеру, в Тамбовской губернии с полуторамиллионным населением на службе состояло 12 исправников и 33 станowych пристава, а всего — 126 полицейских^[11] — эти служивые на деле едва ли могли держать под контролем вверенное их попечению население. После неудачного «хождения в народ» — попытки поднять на борьбу с

правительством крестьян — в 1878 году в штаты уездных полицейских управлений 46 губерний добавили 5 тысяч полицейских урядников; они подчинялись становым приставам и руководили все теми же сотскими в селениях^[12]. «На них будет лежать воспитывание, собственным примером, в народной массе строгого чувства законности и доверия к правительству, им предстоит сделать совершенно безвредными всякие утопические бредни, которые, тем или другим путем, могут распространяться среди народа», — писала тогдашняя пресса.

«Был на селе Лешкове по случаю храмоваго праздника, где было большое число народа; следил за порядком, прошествий никаких не было», — впрочем, таких «пустых» записей в найденной недавно на чердаке старого дома в Ростове Великом записной книжке урядника Базанова за 1881/82 год немного. Служба была хлопотной: полицейский проводил дознание по уголовным делам и случаям внезапной смерти; обходил питейные заведения, проверял состояние дорог и мостов, боролся с пожарами и эпидемиями, выявлял беспаспортных бродяг, пресекал толки и слухи — и даже, как лицо грамотное и авторитетное, помогал мужикам сочинять прошения^[13].

Городские владения делились на участки с участковыми приставами, а участки — на околотки во главе с околоточными надзирателями — предками нынешних участковых уполномоченных; эти полицейские чины командовали рядовыми городовыми. В столице империи под руководством обер-полицмейстера службу по охране порядка несли 6 полицмейстеров, 13 участковых приставов первого разряда, 19 — второго и столько же третьего разряда. В их подчинении находилось 16 старших помощников приставов первого разряда и по 19 — второго и третьего; младших помощников приставов, соответственно, 30, 30 и 50. Полицейских надзирателей по трем разрядам насчитывалось 125, 125 и 300; число городских достигало 4000 человек. Отдельно существовали сыскная и речная полиция; дворцовая полиция подчинялась министру императорского двора. Существовал и полицейский резерв в лице начальника, старший помощник, 2 младших помощника, 22 офицера, 25 полицейских и 150 городских.

В столицах и крупных губернских городах имелась конно-полицейская стража. Подчинялась она градоначальнику или губернским полицмейстерам и применялась при разгоне демонстраций и забастовок, выставлялась при царских проездах вдоль улиц, а также осуществляла

патрульную службу. Помимо карабина, револьвера и драгунской шашки оружием служила нагайка со вставленной внутрь проволокой — ее удар рассекал даже самое толстое пальто. Лошадей специально обучали оттеснять толпу: «Осади на тротуар!» — раздавался в таких случаях профессиональный окрик конной полиции.

Сменивший ветерана-будочника столичный городской (в просторечии «фараон») олицетворял в глазах обывателей всю полицию. Набирались они из отслуживших срочную службу солдат и офицеров. Выглядел новый страж порядка по сравнению со своим предшественником импозантно: на службе он носил круглую черную мерлушковую шапку или черную фуражку, черный мундир и шаровары с красными кантами (в провинции — с оранжевыми). На груди висела бляха с номером городского и названием участка. «Фараон» начала XX века был вооружен свистком, револьвером («наганом» или «смит-вессоном») и солдатской шашкой, непочтительно прозванной в народе «селедкой». Петербургские и московские городские, стоявшие на перекрестках, имели белые деревянные жезлы — для остановки конкретного экипажа; но актуальной сейчас регулировкой уличного движения не занимались.

Появились всевозможные пособия для полицейских чинов^[14]. Из составленного полицмейстером города Козлова И. И. Лебедевым справочника можно понять, что обязанности полиции были, как и раньше, необъятно широки. Бдительный городской должен был не только пресекать противоправные поступки обывателей, но и, по старой памяти, узнавать, нет ли у них «умысла противу здравия и чести императорского величества или бунта и измены против государства» — и не висят ли неуместные «портреты его императорского величества во всех питейных лавочках, трактирах и тому подобных заведениях».

А еще — разведывать о «противозаконных сообществах» и «сходбищах, общей тишине и спокойствию противных», пресекать распространение прокламаций и «возмутительных воззваний», не допускать «сворачивания» в раскол, беспатентной торговли и сговора торговцев и производителей ради «повышения цен»; ловить «бродячий по улицам скот»; наблюдать за «сохранением в борделях тишины и возможной благопристойности». Он же должен следить, чтобы «никто не нищенствовал»; чтобы «обнявшись, никто не ходил и песни не пел и не свистел», не писал на заборах, не держал собак без привязи — и, наконец, в точном соответствии с заветом

Екатерины II, обязан был воспрепятствовать «всем и каждому пьянство». Непослушных надлежало задерживать с должной «осторожностью и человеколюбием»^[15]. Кроме того, на полицейских лежала охрана государственных учреждений, почты, тюрем; организация встреч и проводов вышестоящего начальства.

Но полиция запаздывала с организацией борьбы и с профессиональной преступностью, и с революционерами. В Петербурге в 1866 году был создан специализированный уголовный розыск — «Сыскная часть» в управлении обер-полицмейстера, работа которой строилась на использовании негласных методов. Ее первым начальником стал знаменитый сыщик И. Д. Путилин, настоящая гроза преступников. В 1881 году такая же структура появилась в Москве, а затем — в Варшаве, Одессе, Риге, Ростове-на-Дону, Тифлисе, Баку. Только в 1908 году Государственная Дума приняла закон «Об организации сыскной части», в соответствии с которым в 89 городах империи создавались сыскные отделения для борьбы с «порочными элементами» путем «негласной агентуры и наружного наблюдения».

Их сотрудники специализировались по видам профессиональной преступности: 1) убийства, разбои, грабежи и поджоги; 2) кражи и профессиональные воровские шайки; 3) фальшивомонетничество, мошенничество, подлоги, подделка документов и прочие аферы. Они занимались регистрацией преступников, установлением их личности, систематизацией всех сведений о них, выдачей справок о судимости и розыске скрывающихся лиц. Создавались и «летучие отряды» для дежурств в театрах, на вокзалах, для облав на бродяг и для несения патрульной службы на улицах и рынках. В сыскных отделениях велась регистрация преступников; при идентификации их личности применялись фотография, антропометрические измерения и данные дактилоскопии; составлялись коллекции воровских инструментов. В 1910-х годах появились первые полицейские служебные собаки.

Однако общегосударственной системы уголовного розыска не существовало, не было и специализированных учебных заведений — лишь двухмесячные курсы для начальников сыскных отделений. Негласные агенты из преступной среды оставляли желать лучшего; по признанию полицейских чиновников, «приходится <...> полагаться на сведения, добытые исключительно таким путем, — писал «Вестник полиции», — доводить дело до того, что становится неизвестным, где кончается

преступник и начинается в нем сыщик, где распутываемые узлы старого преступления превращаются таким образом в завязь нового»^[16]. Участковые приставы и околоточные не горели желанием помогать сыщикам: «Нашли дураков, будем мы хорошее дело передавать от себя, да мы и сами проведем его не хуже». К тому же городские сыщики не могли, да и не имели возможности самостоятельно действовать в сельской местности — где благополучно и укрывались преступники. Да и технические средства сыска были ограничены, к примеру, у пензенских «сыскарей» имелись только наручники, набор для дактилоскопии и фотоаппарат.

Политический сыск вели губернские жандармские управления; при этом они были независимы от губернаторов, отвечавших за безопасность и спокойствие в губернии. С начала 80-х годов XIX века появились «секретно-розыскные», впоследствии «охранные отделения» при канцеляриях полицмейстеров или градоначальников со своей секретной агентурой и сыщиками-«филерами». У них была своя агентура в рядах радикальных партий — эсеров и социал-демократов; жандармский генерал А. И. Спиридович первым сумел написать их историю — в сугубо прикладном смысле^[17]. Но обезвредить революционные структуры так и не удалось — они переигрывали противника.

Городские и уездные органы общей полиции существовали как бы сами по себе; не имелось единой координирующей их действия структуры не только на уровне министерства, но и губернии — что затрудняло расследование совершенных одной и той же шайкой в разных местах преступлений. Стоящие над ними чиновники губернского правления специфики работы полиции не знали и охраной общественного порядка занимались между другими делами.

В том же 60-тысячном губернском Тамбове в тревожном 1905 году порядок охраняли всего 3 пристава, 6 их помощников и 71 городской, при этом фактически службу несли едва 40 человек — остальные находились в разъездах и выполняли прочие поручения властей. Полиция не рисковала появляться в окраинных слободах, где селился «наиболее маргинальный и опасный элемент», и полицмейстер честно предупредил губернатора, что его подчиненные «могут оказаться бессильны при возникновении значительных беспорядков в городе»^[18].

Высшие полицейские чины были относительно неплохо обеспечены (губернский полицмейстер получал 2—3 тыс. рублей в год; помощники приставов и приставы — от 500 до 1500 рублей), но несущие повседневную службу младшие и старшие городские могли получать всего 150—180 рублей, то есть меньше, чем рабочие, которых им часто приходилось «усмирять». Сельским урядникам за тяжелую, нередко опасную и неблагодарную работу платили до 200 рублей, но бывало и меньше. Не хватало оружия — полицейским доставались остатки от армейского снабжения. Порой провинциальным городским приходилось его покупать за свой счет, и обыватели жаловались, что «в случае необходимости они не только не в состоянии защитить горожан, но и самих себя» [19].

Перегрузка всевозможными обязанностями при малом жалованье затрудняла отбор достойных кадров. Посему полицейское начальство деликатно признавало, что «пьянство не составляет в среде урядников, стражников, городских редкого исключения и грозит подорвать доверие населения» — которое, впрочем, и так не было высоким. Тщетно инструкции предписывали полицейским чинам воздержаться от «нетрезвого образа жизни», самовольных отлучек и древнего обычая собирать с благодарного населения деньги по праздникам [20].

Полицейские брали взятки с правых и виноватых и использовали служебное положение — особенно когда с 1914 года стала ограничиваться торговля спиртным. В 1916 году горожане жаловались на пристава 2-го Арбатского участка Москвы Жичковского: «Когда Жичковский, расплодив в своем участке всюду тайную торговлю вином и нажив на этом деле состояние, купил для своих двух содержанок автомобиль, пару лошадей и мотоциклет двухместный, то его, четыре месяца тому назад, перевели в 3-й Пресненский участок <...>. Хозяином положения по винной торговле остался его старший помощник Шершневу, который скрыл от нового пристава все тайные торговли вином в участке и месячные подачки стал получать один за себя и за пристава в тройном размере» [21].

Не блистали полицейские и образованием: из 1609 человек, поступивших на службу в полицию с 1 ноября 1894 по август 1895 года, высшее образование имели 17 %, среднее — 10,32 %, низшее — 72,68 % — при том что четверть из них так и не смогли окончить уездные училища. Большинство же городских не имели даже начального образования.

Не удивительно, что при таком контингенте раскрываемость преступлений была ниже 50 % — и это считалось вполне приличным уровнем. В 1906 году начальник сыскного отделения полиции Киева доложил, что из 2355 совершенных преступлений было раскрыто 793 (т. е. 35 %), но полагал: «...если принять во внимание те особенно тяжелые условия, при которых чинам сыскной полиции приходилось действовать в течение отчетного года, то процент обнаружения преступлений в других правильно организованных полициях в России и за границей вполне удовлетворительный». И был, пожалуй, прав — в 1907 году в Москве было совершено 5705 преступлений, а раскрыто только 443 — то есть менее 10 %^[22].

Проекты расширения полиции требовали увеличения финансирования, что смущало и Министерство финансов, и городские думы на местах — именно последние за счет городского бюджета обеспечивали полицию жильем или «квартирными» деньгами. Только в 1903 году в 46 губерниях были учреждены мобильные военизированные подразделения полиции — пешая и конная полицейская стража на казенном содержании, заменившая выборных десятских и сотских. Стражники и урядники набирались из отставных чинов, имевших опыт службы в кавалерии или артиллерии; они поступали на службу со своими лошадьми (для приобретения лошади и снаряжения им предоставлялась ссуда — 120 рублей), но получали неплохое жалованье — 400—500 рублей в год. В 1908 году на 2,7 миллиона жителей Тамбовской губернии приходилось 329 урядников и 1396 пеших и конных стражников; в Воронежской — на 2,5 миллиона 249 урядников и 1146 стражников^[23].

Создавалась такая стража и на частные средства промышленников и землевладельцев — при заводах Саввы Морозова во Владимирской губернии находился отряд из 77 конных полицейских. Стражники походили на военных, а не на городских — они носили серые солдатские шинели; на вооружении имели драгунские карабины, шашки и револьверы. Строю, верховой езде, владению оружием их обучали специалисты из губернского жандармского управления.

Революция 1905—1907 годов подтолкнула полицейское ведомство к реформе. По инициативе премьера и министра внутренних дел П. А. Столыпина была создана межведомственная комиссия во главе с его заместителем А. А. Макаровым. Подготовленный проект имел в виду

ликвидацию несвойственных полиции функций (объявление распоряжений властей, взыскание налогов, приведение к присяге), учреждение полицейских курсов и школ с введением для чинов полиции образовательного ценза, установление единого порядка службы с ликвидацией ведомственного разделения, увеличение штатов с назначением соответствующих окладов. Но все это потребовало увеличения расходов с 35 до 58 миллионов рублей в год — и дело застопорилось.

Тщетно его инициаторы доказывали, что полицейская работа есть «наиболее тягостная из всех гражданских служб» и что «нельзя иметь хорошей полиции, не оплачивая труда достаточным содержанием». После гибели Столыпина проект в 1912 году ушел в парламент, но ни III, ни IV Государственная Дума так и не приступили к его рассмотрению, а новый министр внутренних дел Н. А. Маклаков вернул его на доработку^[24]. 30 октября 1916 года Николай II утвердил постановление Совета министров «Об усилении полиции в 50 губерниях империи и об улучшении служебного и материального положения полицейских чинов». По этому закону увеличивалось число стражников — из пропорции один стражник на 2000 человек (а не на 2500, как прежде). Но было уже поздно. В феврале 1917 года немногочисленная полиция осталась единственным защитником рухнувшей монархии — и была расформирована победителями. «Фараонов», конечно, никто не жалел — но новая милиция из студентов и прочих штатских граждан на порядок им уступала. Очень скоро обыватели почувствовали себя незащищенными: «Мы в настоящее время находимся во власти грабителей и разных темных личностей, которые безнаказанно распоряжаются нашим имуществом. Мы испытываем такой страх, что не решаемся даже выходить из дому по вечерам, чтобы не оставить дом без охраны», — жаловались в городскую управу жители Рязани. Газета «Биржевые ведомости» писала: «Уголовные элементы терроризировали Харьков. Грабежи и убийства стали повседневным явлением. Милиция не в состоянии ничего противопоставить работе громил. Ни место, ни время дня не спасают граждан от грабежа. Милиционеры набраны из случайных элементов, большей частью не умеют даже обращаться с оружием. Выпущенные из тюрем уголовники чувствуют себя превосходно».

^[1] См., например: Власов В. И., Гончаров Н. Ф. Взгляд на причины преступности в России за тысячелетие. Домодедово. 1998. Вып. 1. С. 55—77.

^[2] Законодательство Петра I. М., 1997. С. 445—446.

[3] Там же. С. 631—632.

[4] См.: Северный Н. Е. Описание документов Сыскного приказа 1730—1763 гг. // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. СПб., 1872. Кн. 2. С. 46.

[5] См.: Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. I. Т. 11. № 8475; Т. 15. № 11392; Т. 16. № 11590; Т. 24. № 17635.

[6] См.: РГАДА. Ф. 7, оп. 1, № 269, ч. 8, л. 18—19.

[7] РГАДА. Ф. 7, оп. 1, № 272, ч. 2, л. 405об.

[8] См.: Севастьянов Ф. Л. От тайного сыска к политическому розыску: вопрос об организации спецслужб в России в первой четверти XIX в. С. 27.

[9] Болдина Е. Г. Озорнические посягательства // Московский архив: Историко-краеведческий альманах. Вторая половина XIX — начало XX в. М., 2000. Вып. 2. С. 117.

[10] См.: ПСЗРИ. Собр. II. Т. 37. № 39087 (Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых).

[11] См.: Пачин П. А. Городские и уездные полицейские управления Тамбовской губернии

в начале XX в.: структура, штатная численность и финансирование // Вестник Тамбовского университета (Гуманитарные науки). 2009. Вып. 7. С. 403.

[12] ПСЗРИ. Собр. II. Т. 53. № 58610 (Временное положение о полицейских урядниках в сорока шести губерниях, по общему учреждению управляемых).

[13] См.: Волкова Т. И., Овсянников И. А. «Строчит урядник донесенье...» (О роли полицейского урядника в жизни крестьянской России) // Век нынешний, век минувший... : исторический альманах. Ярославль, 1999. Вып. 1. С. 16—20.

[14] См.: Справочная книжка для полицейских урядников. СПб., 1879; Справочная книга для чинов Санкт-Петербургской полиции, изданная по распоряжению обер-полицеймейстера. СПб.: Б. и., 1883; Муравьев Н. В. Инструкция чинам полиции округа Санкт-Петербургской судебной палаты по обнаружению и исследованию преступлений. СПб., 1884. Ч. 1–2; Инструкция полицейским урядникам. СПб., 1889; Арефа Н. Сборник действующих узаконений для руководства чинам столичной, городской, уездной и сельской полиции. СПб., 1894; Арефа Н. Инструкция полицейским урядникам. СПб., 1899; Мордвинов В. Справочная книга для полицейских урядников и сельской полиции с инструкциями и разъяснениями. СПб., 1898; Романовский П. Систематическое руководство для полицейских урядников. СПб., 1898. Ч. 1–3; Лебедев В. И. Справочный указатель для чинов полиции. М., 1903.

[15] Справочник для руководства городовым и вообще нижним полицейским служащим. Козлов, 1885. С. 10, 13, 16, 18, 19, 49, 78, 80.

[16] Цит. по: Мулукаев Р. С. В борьбе с профессиональной преступностью (Из опыта российской полиции) // Государство и право. 2004. № 9. С. 85.

[17] Спиридович А. И. Революционное движение в России. Вып. 1. История РСДРП. СПб., 1914; Спиридович А. И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. СПб., 1916.

[18] Политов В. Е. Тамбовская криминальная полиция в конце XIX — начале XX в. // Вестник Тамбовского университета (Гуманитарные науки). 2007. Вып. 1. С. 124.

[19] Политов В. Е. Указ. соч. С. 124–125.

[20] Седунов А. В., Иванов К. Д. Российская полиция во второй половине XIX — начале XX в.: сфера компетенции, отношение к службе, реформирование // История государства и права. 2005. № 3. С. 42.

[21] Кустова М. К. «Получают жалованье, а за что, неизвестно...» (Москвичи и полиция) // Московский архив: Историко-краеведческий альманах. Вторая половина XIX — начало XX в. Вып. 2. С. 132.

[22] См.: Мулукаев Р. С. Указ. соч. С. 86.

[23] См.: Главинская С. Н. Организация штата уездной полицейской стражи Черноземного центра России в 1901—1917 гг. // История государства и права. 2007. № 8. С. 30.

[24] См.: Путятин В. Д., Кузнецова Т. А. Об историческом опыте проведения реформ полиции в дореволюционной России (По материалам Особой междуведомственной комиссии сенатора А. А. Макарова по преобразованию полиции в Российской империи, 1906—1912 гг.) // Вестник Новосибирского государственного университета (Право). 2008. Т. 4. Вып. 2. С. 19—25.